

ИЗ НЕПРОЧИТАННОГО

© 1993 г., ЭО, № 1

Г. С. Виноградов

ЭТНОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ *

Как и в других научных дисциплинах, в этнографии время от времени должен совершаться пересмотр и задач, и объема, и в особенности методов работы.

Четверть века назад покойный В. И. Ламанский восставал против чрезмерного увлечения этнографов и фольклористов «нанизыванием разных пережитков, отыскиванием всех явных и незримых следов и остатков матриархата, придумыванием разных натяжек в пользу трансформизма и более или менее остроумно предполагаемых эволюций»¹. Он находит, что задача народоведения состоит в изучении и определении места, характера и значения каждой расы, каждого племени, каждой народности во всем их местном разнообразии как в прошлом, так и в настоящем².

Близки к таким утверждениям Е. А. Аничков³, В. В. Богданов⁴ и другие этнографы и фольклористы. Ту же точку зрения разделяет Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края 1921 г. Не замалчивая нужды, в «первую голову собрать исчезающий материал уходящего прошлого», так как «в нем хранятся традиции и переживания древнейших моментов культурной истории населения края»⁵, конференция настаивает на необходимости «изучать процессы проникновения в народную жизнь городской культуры..., влияние войны и революции на быт населения»⁶. Общественное значение фольклора как отражения нашей современности еще не вполне осознано. «Почти исключительный интерес к „археологической“ стороне устной поэзии, господствовавший в науке до последнего времени, затемняя ценность ее, как живого голоса крестьянства о самом себе в наши дни. Между тем, если бы систематически и в большем масштабе произведена была работа по собиранию народных песен, частушек, легенд, будущие историки революции больше (бы) знали, имели бы больший материал о сменявшихся настроениях масс в том или другом крае»⁷.

Народ надлежит изучать и в мирном, сравнительно покойном состоянии (это до сих пор и делалось), и в эпохи бурные и критические. Наша обычная жизнь состоит из поступков вполне автоматических, из привычек и условностей, которые толстой корой облегают наше свободное существо. Но в моменты кризисов или в моменты, когда мы затронуты каким-нибудь глубоким чувством, мы как будто пробиваемся через эту кору, и тогда наше свободное существо проявляется без задержек и цельно. Это же можно сказать о любой группе людей — о племени, о народе. При выяснении основной сущности, основного характера, «духа» того или иного народа нужно принимать во внимание именно эти моменты кризисов и нарушения течений обычной жизни, нужно возможно полнее использовать эти моменты, которые ценны также и в других отношениях: они дают возможность ближе подойти к решению вопросов, которые в условиях устойчивой жизни не вполне поддаются разрешению.

Этнографы и фольклористы стоят перед вопросами о возникновении, процессах изменения, развития и умирания различных явлений народной жизни — в ее укладе, в семейно-социальных отношениях, в проявлениях умственной деятельности, в области искусства.

* Статья перепечатана из журн. «Сибирская живая старина». 1923. Вып. II. С. 3—21.

Какие пути ведут к пониманию этих процессов? Или интуитивное постижение, какое дается художникам первой величины, или непосредственные наблюдения фактов и явлений, относящихся к интересующим нас вопросам.

Первый путь доступен только людям исключительных дарований, поэтому говорить о нем здесь нет надобности. Другой путь — путь непосредственного наблюдения и изучения фактов, иначе говоря, научный путь, характеризующийся тем, что он дает надлежащие результаты в руках всякого человека, одаренного средними, присущими большинству людей способностями.

Является, однако, вопрос: доступны ли непосредственному наблюдению история и эволюция этнографических явлений, их возникновение и изменение, развитие и умирание? Можем ли мы, оттолкнувшись от берега прошлого, делать наблюдения «на том», оставленном берегу?

Когда-то там создавался язык, создавались песни, сказания, творились легенды, сказки. Как мы можем проникнуть в условия, вызвавшие их к жизни, понять первоначальную их форму?

Если взять, что создано «на памяти истории», и то уже многое для нас потеряно, от многого и следов не осталось. Смутная эпоха родила легенды, которые нам сообщают историки: она оставила песни, которые мы знаем в самых ранних записях; она обогатила народный словарь и т. д. Следующее столетие, как мы увидим, тоже дало и легенды и песни, отразилось на языке игр.

Часть этих песен, легенд, сказаний была зафиксирована тогда же. От Смутной эпохи сохранились, например, песнь о Ксении Годуновой и некоторые другие, записанные вскоре после того, как они были сложены для Ричарда Джемса в 1619 г.; большая часть известна нам в позднейших записях, значит — в позднейших редакциях⁸.

От Петровских времен в канцелярских бумагах Преображенского приказа сохранились сказания и легенды, представляющие, по Ключевскому, «редкий вид народного творчества, пропущенного сквозь фильтр тайной полиции». Канцелярские бумаги дают возможность видеть возникновение и развитие этих легенд и сказаний.

От Пугачевского бунта тоже сохранилось немало легенд и преданий, правда, они почти угасли во многих местах России, но, как свидетельствует Короленько⁹, чрезвычайно живо сохранились на Урале, по крайней мере в старшем казачьем поколении. Еще больше осталось легенд, сказаний и песен о Разине.

Анализ некоторых записей, остроумные домыслы и т. д. — все это необходимые и важные средства для решения интересующих этнографа и фольклориста вопросов, но средства недостаточные.

Чтобы понять психологию, вызвавшую эти произведения, условия, давшие им жизнь, определившие процессы развития, причины живучести и сохранности или причины разложения, необходимо непосредственно проследить эти процессы, непосредственно присутствовать при всех этих явлениях.

Значит ли это, что нам необходимо возвратиться на «тот берег»? Это невозможно. Но под всеми географическими долготами и любыми широтами оба берега и самой широкой реки мало отличаются друг от друга: почти всегда та же почва, тот же климат, те же растения... И люди всегда — только люди, с их желаниями, с их формами мышления, способами отзываться на совершающееся вокруг...

Если приведенные здесь примеры прошлого роднят его с переживаемым моментом, если в переживаемый момент слагаются песни, создаются легенды, меняется народная лексика, впитывает новые элементы народный быт и т. д., то мы вправе думать, что присутствуем при вполне сходных явлениях, изжившихся народом в отдаленном и недалеком прошлом, следы которого обнаруживают историки.

Наиболее чувствительным реактивом для установления наличия отражения в быту и укладе народной жизни текущего момента, событий дня надо признать народный язык, затем словесное народное творчество.

Что касается языка, то новшества сюда притекают положительно отовсюду: их дает город, газета, революция, война, солдатчина. Только в последнее время стали к нам доходить сообщения об этнографической работе за рубежом за последние 7—8 лет. Из этих сообщений мы узнаем, между прочим, что немецкие фольклористы за годы войны опубликовали целый ряд работ, посвященных, например, языку солдат¹⁰.

Сколько известно, мы в этом отношении почти ничего не сделали, а между тем последняя война, несомненно, внесла немало новых слов и оборотов в наш деревенский словарный обиход. Достаточно напомнить: «в два шшота», «почем зря», «антралитет» (нейтралитет), «ираплан» или «вертиплан». Рассказывают (в Худоелани Тулунского уезда), что в 1916 или 1917 г. из Нижнеудинской тюрьмы бежал арестант. Закрепив за верх палей клюку (кочергу) и поднявшись по ней, он перепрыгнул — и ушел, оставив записку: «улетел на вертиплане».

В последующие годы, революционные, давшие богатейший материал, немного нашлось внимательных наблюдателей; стремление зафиксировать «новости» в языке мы встречаем в статьях И. Киселева «Революция и язык»¹¹, А. Баранникова «Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы»¹², А. Г. Горндфельда «Новые словечки и старые слова»¹³, С. И. Карцевского «Язык, война и революция»¹⁴, П. Черных «О новых словах»¹⁵.

В области языка наблюдаются различные явления: включение в обиход новых, доселе неизвестных слов и выражений (комячейка, продналог, трахтур); создание новых слов («слова новотворки») и комбинации их (растатура — неразбериха); наделение новым содержанием старых слов (орден — ордер; спекулянт или пикулянт — меняющий вещи на продукты); заимствование и перестройка некоторых слов согласно народной этимологии и попытки осмысления непонятных новых слов, например переверт — переворот; разделяюция — ссора, разговор, вызывающий раскол. Можно привести очень много интересных лексических фактов, весьма выразительных и часто богатых народным юмором.

В окрестностях села Или¹⁶ на горах поселился пчеловод. Пчеловод — понятие и слово непривычное, гораздо знакомее, ближе слово мед, и во всех окрестных займках и деревнях надо спрашивать: «где живет медовшык?..».

Помидоры в нашей деревне — дело очень новое, самых последних годов. Молодежь с этим слогом справляется хорошо, а старухи принуждены заменить его созвучным словом:

— М и т р о д о р ы... как ли их... на окошке буланят¹⁷.

В Тулунском районе среди крестьян около 10 лет назад привилось слово п р и ю т к а, обозначающее один из сортов пшеницы. История этого слова такая. Родоначальница «приютки» — канадская пшеница Prelude. Тулунская опытная станция это название руссифицировала, получилась пшеница п р е л ю д к а¹⁸. С распространением прелюдки среди населения ничего не говорящее название было осмыслено, получилась пшеница «приютка». Появившееся здесь впервые в 1905 г., до лета 1917 г. было в употреблении слово б е р и к р а д ы. Помимо некоторого созвучия со словом «бюрократы» и фонетического объяснения этой формы допустима также мысль о стремлении осмыслить ее в сторону слов «бери» и «кради».

Теперь больше, чем когда-либо, приходится иметь дело с теми языковыми явлениями и их словесными знаками, которые в повседневной жизни имеют, может быть, и временный, но все же большой интерес.

Например, свекровь жалуется своей замужней дочери, что невестка а г и - т и р у е т мужа против его родителей; в разговорах речь идет о старом и новом п р и ж ы м е (режим); говорят о тревогах, связанных с преследованием б е л о й к о м я ч е й к и (белая банда); отец жалуется, что про его дочь п р о г р а м м у д е р н у л и, т. е. пустили слух; выражают недовольство дороговизной л а х м а - т у р ы (ср. лахмотья) или м а х н а т у р ы (ср. мохнатый). Стремление к осмыслению нового слова «мануфактура» в этом примере будет очевиднее, если вспомнить старинное выражение: «маладуху-та а б м а х н а ч и в а т ь (т. е. одевать) нада памаленьку».

Участников переписи в некоторых местах зовут писатели народу.
Бестоварье 1920 и 1921 гг. вызвало появление новых горьких шуток или
воскресило в памяти старые. Мануфактуры нет, полотенце не в каждой избе:

Мать утерлась подолом,
отец — рукавом,
а я так стою — сохну...

Население обносилось, пришлось одеваться во что попало.

Шпоголь моды не терят,
в чем попало шшыгалят...

Однако наряду с этим песня поет:

Я милава знаю по паходки,
он носит брюки г а л и ф е...

Приведенные здесь примеры — только незначительная часть того «нового» в языке, что должно привлечь внимание специалистов по народному быту.

Прослеживая появление и судьбу новых слов и изменений в народной речи, мы получаем доступ к пониманию старого: процессы образования и развития слов, уже привычных нам, вошедших в обиход давным-давно, испытали в общем ту же судьбу. Теперь судьба слов делается более ясной, понятной. Наблюдения в этой области имеют еще и другое значение: они ценны для исследования вопросов о том, как на психике деревенского населения отражаются события последних лет. Поэтому интересующий нас материал является ценным источником как для этнографа вообще, так и специально для исследователя народной психологии, как это отмечает проф. Н. Каринский¹⁹.

В области н а р о д н о й п е с н и всякие изменения в жизни находят довольно быстро свое отражение. Религиозные потребности людей, порвавших с церковью, как известно, зывали к жизни песенное творчество религиозного характера (песни людей божиих, псалмы и стихи духоборцев). Эти песни, созданные, можно сказать, на наших глазах, по своей архитектонике, по своим поэтическим приемам и пр. весьма близки к старинным народным «светским» песням и потому приближают нас к пониманию народного песнотворчества в прошлом. На наших глазах слагается так называемая историческая песня. Так, в 1915 г. Н. Е. Ончуков со слов крестьянина, профессионала певца, записал на Ветлуге песню, отразившую первое мартовское событие 1881 г.²⁰

На песенный репертуар нашей деревни всегда оказывали влияние лубочные издания-песенники (Сытина, Коноваловой и др.), картины с текстом народных песен. Таким путем проникло в народ, как показывает исследование А. Якуб²¹, немало песен, романсов.

До сих пор не обращено достаточного внимания на г р а м м о ф о н. Было бы очень важно обследовать роль грамофонных пластинок в деле увеличения и изменения народного песенного репертуара, на изменения, происшедшие в исполнении полученных этим путем песен и т. д.

Едва ли не каждая война давала какую-нибудь «новинку» в репертуар деревенских певцов. Всем еще памятна «На сопках Манчжурии», «Умер бедняга»... Солдатская песня в большом количестве шла в деревню и распевалась мужчинами и женщинами на мирных праздничных гулянках. И на этот вид фольклора зарубежные этнографы тоже обратили большее внимание, чем мы у себя²².

Едва ли какой-нибудь другой вид устного народного творчества так чутко отзывается «на всякий звук» жизни, как песня сравнительно новой формации — частушка, распеваемая даже в пределах одного (Тулунского) уезда на восемь мотивов.

Разно можно относиться к частушке (частушка — «рубленая проза» и пр. и пр.), но как с фактом, с нею приходится иметь дело, считаться: она живет десятки лет, видоизменяется, и признаков ее вымирания мы не замечаем.

Не говоря о сборниках частушек, опубликованных в довоенное время и в начале войны, можно указать некоторые записи, относящиеся к революционным годам. «Народные революционные частушки» Меншевика Ивана напечатаны в Петрограде в 1917 г. Несколько позднее стала печататься частушка в общих периодических изданиях; назовем «Современные частушки», опубликованные Д. Семеновским²³. В журнале «Красная новь» за июль-август 1921 г. помещались частушки. Печаталась современная частушка и в иркутской газете «Власть труда» в 1922 г. (записи С. Осина). Едва ли не самый большой сборник, вышедший за последние годы, это «Частушки Переславль-Залесского уезда» М. И. Смирнова (М., 1922; содержит 802 №№). В предисловии к этому сборнику проф. А. А. Ярилов констатирует, что «наименее затронутые частушками темы относятся к наиболее близкому по времени, только что пережитому, тяжело отразившемуся на деревне периоду гражданской войны и революции. Ни одной частушки, которая отметила бы новые земельные условия, исчезновение помещика, прирезку земель, новое землеустройство. То же следует сказать и в отношении тех новых установившихся между деревней и городом взаимоотношений, которых не знала дореволюционная эпоха» (с. 3).

Не делая каких бы то ни было общих выводов из этого факта, автор предисловия находит возможным объяснить его «присущим деревне консерватизмом, медленным проникновением в „миросозерцание“ деревни новых, хотя бы даже перестраивающих крестьянское хозяйство моментов» (с. 4).

К этому объяснению необходимо прибавить другое. Частушка — это отзвук на злобу дня не всего населения, во всяком случае не старшего поколения, которое на частушку смотрит пренебрежительно, а отзвук молодежи, относящейся к жизни и к переживаемым событиям легкомысленно. Не нужно забывать и того, что основные темы частушки связаны главным образом с любовью и флиртом. И политика отразилась в ней чаще всего только с этой стороны.

Скрипи, пол, скрипи, пол,
скрипи, половичка.
Мой миленок большевик,
а я меньшевичка.

(С. Куйтун)

Или:

Ах, яблочко
на тарелочке,
Коми ссар застрелился
из-за девочки.

(Иркутск)

Еще:

Афтанабиль, афтанабиль —
целая карета,
с моей милкой гуляет
член реввоенсовета.

(Иркутск)

Как ни тесно связана городская и деревенская частушка с указанными темами, она отражает, хоть меньшим количеством «припевок», и другие стороны переживаемого момента. Восемь сотен «припевок», конечно, не исчерпывают репертуара целого уезда, даже если принять во внимание, что за последние годы при грохоте пушек музы должны были молчать. Можно думать, что та часть частушек, которая по каким-то причинам не попала в сборничек, отражает события последних лет. Об этом, может быть, позволительно судить, сопоставляя данные, касающиеся других мест России. Неопубликованные еще собрания частушек, записанных в последние годы в разных уголках Иркутской губернии, сколько мне известно, содержат и некоторый процент политической частушки.

Речь оратора о саботаже, спекуляции подхвачена молодежью:

Ай, яблочко,
что за нация,
кругом саботаж,
спекуляция.

(Тулун)

Речь о завоеваниях революции тоже нашла отзвук в частушке:

Все палаты и дворцы
и так далее
стали собственностью
пролетарии.

(Куйтун)

Речи ораторов о том, что «кто не работает, тот не ест», подхватила и частушка:

Ах, Бох ты мой, Бох,
што ты ботаешь,
ты на небе живешь,
не работаешь.

(Тулун, Иркутск).

К числу устно-народных произведений, отзывающихся на события текущей жизни, следует отнести легенду в широком значении этого термина. Редкое событие, которое способно всколыхнуть народную жизнь, не вызовет появления легенды. Следует вспомнить Смутную эпоху, Петровские времена, Стеньку Разина, Пугачева, творимую легенду конца прошлого столетия и начала нашего. В связи с голодом и другими бедствиями 1892 г. рождаются легенды во многих местах, о распространенности их свидетельствует то внимание, которое было проявлено к их собиранию²⁴.

То же самое наблюдалось и позднее. Под влиянием бедствий голодного 1912 г. «творились» легенды о черной корове²⁵, о быке или олене, говорящем человеческим голосом и предсказывающем всякие ужасы²⁶.

Предыдущий, 1911 год дал другую легенду в целом ряде вариаций о Толстом: Лев Толстой скрылся, а не умер²⁷.

Не занимая много места примерами прошлого, укажу на появление легенд в 1921 г. По разным причинам во многих местах Тулунского уезда крестьянам в тот год не хватило хлеба до нового урожая. Было немало случаев, когда они должны были молотить еще зеленый хлеб до Ильина дня, т. е. ранее 20 июля ст. ст. Старики не помнят такого года. Ранней весной или летом появилась такая легенда:

Ехал мужик с какого-то (переселенческого) участка на Тулунскую станцию, вез мешок хлеба. Недалеко от станции поравнялся с женщиной.

— Подвези немножко, дядюшка, — просит женщина.

— Лошадь престала, — говорит мужик. — И так тяжело: ведь, я проехал двадцать пять верст, дорога плоха.

А лошадь даже и не вспотела.

— Подвези, дядюшка, я ведь легонькая.

Нечего делать мужику:

— Садись, — говорит.

Села баба, поехали. И проехали очень немного, а лошадь так устала, так упрела.

— Вот ты говорила, что ты легкая, а смотри-ка: коня-то задавила, конь-то упрел, идти не может.

— Ничего, — говорит баба. — Вот смотри через левое плечо.

Мужик посмотрел — и испугался: кругом лежит или павший скот или подыхающий...

— Теперь,— говорит баба,— смотри через правое плечо.

Мужик взглянул — кругом навалены снопы без колосьев...

— Ну, а теперь,— говорит баба,— смотри вверх.

Взглянул вверх мужик и увидел народ со свечами и многое множество гробов.

Тем временем они подъезжали к станции.

— Теперь,— говорит,— я слезу. Смотри, обо мне никому не говори, не то задавлю.

Мужик оглянул ее и видит: вместо человеческих ног у ней коровьи копыта ²⁸.

Так были предсказаны падеж скота, голодуха («хлеб хоть и будет хороший, но замерзнет в колосу») и людской мор.

Зародившись где-то, легенда «расползлась», как чернильное или масляное пятно, по займам, деревням, селам. Летом 1922 г. я дважды слышал вариант этой легенды в Иркутске.

На Верхоленской горе около дороги мужики, остановив лошадей, курят и беседуют — об урожае главным образом. Подходит старичок, просит «посадить».

Мужики промолчали, словно не заметили старичка.

Докурили, думают ехать. Старик говорит опять:

— Подвезите, мужики, до деревни!

— Садись!..

Едут тихонько, опять говорят про урожай.

— Вот посмотрите в эту сторону,— говорит старичок.

Смотрят мужики — хороший хлеб: и рожь и пшеница, и овес с гречухой.

— А теперь посмотрите в эту сторону,— говорит опять старичок.

Смотрят в ту сторону мужики — человеческими трупами усеяно все поле...

— Хороший нынче урожай, только собирать его некому будет,— сказал старичок.

— Ну, а теперь оглянитесь назад — говорит.

Оглянулись мужики — старичок исчез.

В это же время появляются легенды о светокопце, о рождении от нечистой девки антихриста и др. Любопытно сопоставить их, когда они будут собраны в достаточном количестве, с теми легендами и сказаниями, которые возникли в Петровскую эпоху как ответ на явления текущей жизни: перемену календаря, снятие церковных колоколов и т. д. ²⁹. Изучение мотивов и процессов создания живой, «творимой» легенды позволит приблизиться к пониманию процессов образования и развития этого вида народно-поэтического творчества былых времен. Такое сопоставительное изучение зарождения произведений народного словесного творчества облегчает и работу историка, особенно в тех случаях, когда данные других источников не могут считаться надежными.

Для понимания процессов, совершавшихся в прошлом, как уже говорилось, важно попасть в условия, при которых можно видеть эти процессы происходящими перед глазами. Иногда это возможно. Народная память очень экономна. Из поразительно великого обилия образов, имен, деяний, событий, которые она запечатлела, она сохраняет только те, которые содержат в себе нечто живое, нужное для жизни, и сохраняет до тех пор, пока оно нужно. Из сохраняющихся запасов старых образов и деяний народное творчество, идя по линии наименьшего сопротивления, создает нечто новое — образ богатыря или портрет-характеристику популярного, любимого разбойника.

В тяжелые годы испытаний припоминают светлые образы минувшего. В первый год войны можно было наблюдать «тоску по сильным». В пригородном с. Коркинском Красноярского уезда, некоторые крестьяне ждали, что «должен объявиться богатырь» — Илья Амурович (Муромец) или кто-нибудь другой. Былины, сказания о богатырях здесь забыты, но в нужный момент некоторые подробности припоминаются. Коня богатырского видели в минусинских степях: где конь прошел, где копыто богатырского коня ступило, там трава не растет. Конь ждет, ищет богатыря. Подкова с одной ноги оторвалась. Ее можно видеть

в Минусинском уезде. Сразу узнаешь ее, другой такой большой подковы нет. Богатырь должен быть³⁰.

События последних лет порождают анекдотику, порождают различные рассказы и легенды, содержащие портреты-характеристики действующих в них исторических лиц, и дают возможность уловить мотивы, создающие анекдот, рассказ или легенду, связываемую с тем или иным «героем», уловить первоначальный зародыш ее, причины, заставляющие связать и ходячие образы, и сюжеты с данной личностью, способы и пути распространения легенды и т. д. При внимательном отношении к такого рода материалам больше входим в соприкосновение с творческим процессом возникновения «памятников» устного творчества, присутствуем при всех или почти при всех стадиях их создания. При таком отношении мы получаем возможность выносить основанные на наблюдениях и фактах суждения о личном творчестве, создании или приурочении и использовании сюжетов, мотивов, образов и т. д. и т. д. Пройти мимо творимой устной словесности — значит упустить момент вероятной возможности ближе подойти к пониманию и разрешению вопросов народного творчества в слове.

Казалось бы, труднее всего ожидать отражения современности в таком довольно устойчивом (не только в отношении формы, но и содержания) виде устно-народного творчества, как сказка. Однако внимательное выслеживание всего, что создает народ под влиянием тех или иных событий или обстоятельств, показывает, с какой чуткостью душа народная отзывается на все, что так или иначе ее касается, и едва ли есть область народного творчества, где бы не было отзвуков ее на совершающееся вокруг. Сказка, оказывается, не является исключением.

Если молодежь, реагируя на окружающее и переживаемые события, ответила главным образом песенкой-частушкой, то поколение взрослое, поколение, в котором еще живы традиции старины, вот еще на нашей памяти могло ответить созданием сказки. Поэтическая фантазия этого поколения революцию 1905 г. облекла в образ Крамолы³¹.

Это — редкий пример. Но он достаточен для подтверждения нашей мысли: и сказка может отразить современность. Если мы знаем мало записей, то не потому, что их не могло быть, а потому, что собирается очень незначительная часть материала, который необходимо было бы фиксировать.

Современность находит отражение не только в словесном творчестве народа, она сказывается на всех сторонах народной жизни: на семейном укладе, на укладе домашней жизни и на обстановке, на деревенской экономике, на предметах повседневного обихода.

Как на весьма интересный пример можно указать «молочные бунты», о которых немало сведений сообщалось в повседневной печати и журналистике первых годов нашего столетия³².

Значительные изменения в народной жизни этнограф наблюдал и в самые последние годы.

Бестоварье 1920 и 1921 гг. уничтожило «положки» (занавеска над кроватью из ткани. — *Ред.*) от кроватей, заставив перешить их на «рубахи»; оно едва ли не в конец уничтожило старинные женские одежды — «шелковье»: они тоже пошли на перешивку; оно заставило жителей большедорожных сел, давно оставивших изготовление домотканины («своедельщины»), учиться у старух умению ткать и прядь... Появились во многих местах новые занятия; например, табакводство до этого времени не было распространенным занятием, а теперь в редком доме не познакомились с техникой обработки, изготовления табаку, вырабатывается терминология...

Вспомнили способы обходиться без мыла — с помощью древесной «губы» (нарост на дереве. — *Ред.*), без спичек — применяя огниво и трут... Возвратились к прежним приемам «крашенья» домотканины (лиственничной корой, травами и т. д.). Вместо томских дуг с резьбой теперь видишь дуги местного изготовления, с раскраской местных «мастеров».

Возвратились к лучине, ею стали освещаться по вечерам. С пятер (вид полочки.— *Ред.*) из амбаров извлекли светец, которым не пользовались в продолжение четырех, пяти десятилетий, устроили «камелек». В связи с этим, по признанию крестьян, ухудшилось качество их «тонких» работ («шитво» и др.), увеличилось число «страдающих глазами», отсюда — искание путей врачевания: привлечение полузабытых старых, в иных случаях — изобретение новых.

Повальные болезни скота (чума 1922 г.), тиф последних годов — и наряду беспомощность аптек и врачей приводят к использованию оставленных и полузабытых способов самоврачевания и скотолечения, может быть, к новым «достижениям».

Здесь мы видим, как часто стирается грань между старым и новым или, пользуясь терминологией Богораза, можно сказать, между старой этнографией и этнографией новой.

Переживания, изучением которых занимается «старая» этнография, иной раз приобретают жгучий интерес фактов и явлений современности. Бывают, мы видим, моменты в народной жизни, когда явления, относимые этнографами к «переживаниям», вдруг приобретают все признаки жизненных элементов. Опахивание села, добывание деревянного огня, закапывание болезни и другие — явления того же порядка, все это в условиях, изжитых в 1920 и 1921 гг., было единственным средством если не помочь себе, то успокоить себя, и все эти явления в этот момент перестали быть «переживаниями», они стали, по крайней мере на известный момент, «жизненными явлениями». Эту мысль надо распространить и на многие явления в народной жизни. Некоторые сектанты, до сих пор не затерявшиеся среди остальной массы населения, с их исканиями социальной правды — не только наследие прошлого, но не в меньшей мере — явление современности. Какой-нибудь культ, например культ медведя для сибирских туземцев или для русских, в жизни которых медведь не просто *Ursus arctos*, а нечто большее, с чем они связаны и духовной, и материальной стороной быта, — этот культ не только переживание, но и факт текущей действительности. В одинаковой мере и народные детские игры — не столько переживания, сколько живая действительность.

Жизнь народа не пребывает неизменной, она находится в постоянном движении. Одни явления отмирают, другие нарождаются, третьи, не переставая существовать, видоизменяются. Ощущение жизни как вечного течения, знание народной жизни в ее постоянной текучести — вот при каких условиях этнограф сможет использовать наблюдения над совершающимися перед его глазами фактами и явлениями для понимания фактов и явлений, начало которых лежит в далеком прошлом. Народная жизнь в своем течении впитывала прежде, как впитывает теперь, новые элементы из различных источников.

Поэт наших дней констатирует:

Древо песни бурею разбито,—
Не Триодь, а Каутский в углу...

Несколько годов назад, когда об издательском кризисе и не думалось, народ испытывал влияние лубочных изделий; это были поминанники, календари, песенники, «Царь-Соломон» (он же по-деревенски «зернометка»), житийная литература и т. д. Теперь этого влияния нет. В самые последние годы в деревню пошла другая книжка, другая литература — «Каутский». И пускалась эта литература с определенными целями, и должна была она оказывать какое-то определенное влияние. Какое? — судить об этом у нас еще нет данных. Если психологию народа, его запросы, вкусы можно определить по тем книгам, какие составляют его любимое чтение, то изучение, к каким бы результатам оно ни привело, должно захватывать в с я к у книжку, пускаемую в деревню.

То же нужно сказать о деревенской сцене. Едва ли есть деревня, которой в последние годы не коснулось влияние репертуара «представлений». Какое? — мы тоже пока не знаем. Но, несомненно, эти «представления» что-то внесли: новый

образ, новое слово, может быть, новую мысль... Об этом мы судим по аналогии с другими явлениями. Беря примеры из самого недавнего прошлого, мы видим, что последняя война дала новые формы лубка — открытки, выпускавшиеся, например, московским издательством «Сегодняшний лубок». Открытки эти, присылаемые в деревню «с фронту», на стенах избы занимали место рядом с традиционным лубком. Лубок, помимо прочего, обогащал деревенское население новыми понятиями, словами... В 1914—1915 гг. появились картины, познакомившие население мирного «тыла» с новыми орудиями войны — дирижаблями («дирижабиль»), аэропланами (см. выше: «ириплан») и т. д.

На смену лубку в наши дни явился плакат. Он, конечно, окажет какое-то влияние, но заменит ли он старый лубок, сказать трудно. Едва ли. Самое задание плаката — остановить н а м и н у т у взгляд прохожего или случайного посетителя. Отсюда и внешность его — броская, даже крикливая — не располагает к продолжительному и многократному рассматриванию, и в качестве украшения на стене плакат «не идет». Лубок же обладает другими качествами, выработанными традицией, в силу того, что у него другое задание: он предназначался для продолжительного пребывания на стене (картина), для длительного использования (песенник, «Царь Соломон») и поэтому мог оказывать более заметное влияние.

Все эти лубочные издания, как и пьесы на деревенской сцене, не столько народное творчество, сколько творчество для народа. Поэтому этнограф не будет искать здесь отражений народных дум и чувств. Но поскольку это творчество для народа имеет спрос у потребителя — народа, оно способно раскрыть народные вкусы, запросы, потребности и потому заслуживает внимания этнографа.

Постоянный процесс смены культурных явлений, который придает более или менее быстрое движение жизни всякого народа, отражается и на детской игре и игрушке, иногда, может быть, более ярко, чем в быте народа. Значительная, если не большая часть детских игр, является имитацией деятельности взрослых, эпизодов семейной и общественной жизни. Эти детские игры — «карманное издание» жизни взрослых. В самом начале войны дети городов и деревень играли в «германцев», «австрийцев», затем играли в «чехов», «белых» и «красных», еще позднее — в «белую комячэйку». «Хвосты» в городах вошли в игры городских детей³³.

Приблизительно то же самое наблюдается в играх детворы деревенской: здесь тоже «карманное издание» жизни взрослых. Сибирская деревня не является исключением, о чем свидетельствуют сообщения местных этнографов.

Жизнь идет не останавливаясь. Многие моменты из недавнего прошлого миновали, вероятно, безвозвратно, а в детских играх многие из них все-таки сохраняются. Пройдет еще некоторое время, и еще больше исчезнет из того, что они впитали из нашей современности, но кое-что может сохраняться очень долго, переходя, как наследство, от одного поколения детей к другому. Действительная жизнь успеет изменить свои формы, а игры останутся еще надолго все те же. Этнографы знают немало примеров того, как детские игры — подражания взрослым — «переживают» действительную жизнь; современные ученые эти «переживания» рассматривают как весьма ценный материал для изучения исчезнувшего быта. Однако применение «метода изучения переживаний», оставляя много места самым различным толкованиям и тенденциозным домыслам, вызывает много споров и разногласий. Пользуясь им, необходимо одновременно изучать все нарождающиеся явления народной жизни и их отражения в детском фольклоре, в детских играх — городских и деревенских: городские игры могут теперь же или после проникнуть в деревню, а деревенские — в город.

Впрочем, это относится не только к детским играм, к детскому фольклору, а ко всем отражениям переживаемого момента в народной жизни — в языке народа, его поэтическом творчестве, верованиях и культе, домашнем обиходе, в явлениях так называемой материальной культуры.

Что касается творчества в слове, то здесь позволительно сделать некоторые сопоставления.

Тэн, мы знаем, хотел по истории литературы уяснить психологию народа.

Менее всего можно, конечно, отрицать это право за исследователем. Но если осуществление этой мысли признать возможным, то этнограф, обособляющийся для изучения культуры народных масс, может на основании того, что создает деревня в области словесного творчества (это тоже литература), пытаться уяснить психологию народных масс.

Если литература образованного «общества» в той или иной мере отражает его жизнь, то едва ли в меньшей мере это делает и народная словесность.

Люди городской культуры пишут мемуары, дневники, воспоминания. Архивы сохраняют их для будущего историка. Однажды написанные, зафиксированные, они дойдут до историка в том виде, какой придан им автором — участником, очевидцем, современником событий, дойдут со всеми положительными сторонами и недочетами такого рода исторических документов.

Было бы странным, если бы народ проходил мимо всего, что протекает или рядом с его жизнью, или параллельно, или сливается с нею. Народ имеет свои мемуары, свои дневники, свои воспоминания. В неписаной народной библиотеке, в народных архивах они занимают немало длинных «полок»... Эти дневники, мемуары, воспоминания в сравнении с написанными имеют свои достоинства и свои отрицательные стороны. Передаваемые в устном слове и сохраняемые в памяти, они всегда имеются во многих редакциях. Каждая передача предания, воспоминания и т. д. является в сущности новой редакцией. Таким образом, можно думать, если не устраняется, то все же сглаживается их субъективизм, свойственный такого рода литературе. При том же пропажа одной редакции здесь не обозначает полной гибели, уничтожения памятника. Но, повторяю, народная память экономна. Когда дело дойдет до использования неписанных архивов историком, ранних редакций может не сохраниться, да и позднейшие могут оказаться бледными, с дефектами. Поэтому необходимо теперь же, по свежему следу собирать произведения народной литературы в ранних, самых первых редакциях. В них будущий историк прочтет показания самого народа о его жизни в тот или иной момент истории.

Говоря о новых явлениях в области материальной культуры народа, с которыми будущему историку придется считаться как с «остатками», может быть, уместно сделать замечание о музеях войны и революции. В том виде, в каком они теперь создаются, они мало отражают (чтобы не сказать совсем не отражают) народную жизнь в годы войны и в революционное время. Клочки засаленных бумажек с текстами своеобразных молитв, с которыми солдат шел в бой, открытки, которые присылались «с фронту» домой, и т. д. и т. д., атрибуты старого уклада домашней жизни, воскрешенные войной и революционными событиями к жизни: чашки — «коренушки» («калгашки»), светцы, домотканина с новым «крашением», дуги с местной раскраской и т. д. — все это должно занять свое место в музее войны и революции.

На «новую» этнографию уже обращено некоторое внимание, правда, главным образом в виде общих указаний и пожеланий³⁴, но есть и попытки обнаружить материал³⁵.

Собирание этнографических материалов, даваемых современностью, должно быть организовано «в спешном порядке». Мангардт, погруженный в необозримый мир народного словесного творчества, мечтал об основании наблюдательных пунктов, которые наподобие физических или астрономических обсерваторий могли бы собирать и сообщать местные этнографические данные по вопросам, возникающим у исследователей. Такие наблюдательные пункты уже устраиваются для целей естествознания: почему не были бы возможны станции этнографические? О необходимости учреждения на местах фольклорных станций говорилось на Конференции научных обществ в 1921 г.³⁶ Но пока такие станции — лишь предмет нашего горячего желания. Самое большее, на что мы в ближайшее время в этом деле можем рассчитывать, это усвоение девиза финна: «немного, постепенно, но каждый».

Примечания

- ¹ *Зобнин Ф.* Из года в год // Живая старина. 1894. № I. С. 31.
- ² Там же. С. 32. Все выделения в статье сделаны Г. С. Виноградовым.
- ³ *Аничков Е. В.* Язычество и древняя Русь. СПб., 1914. С. 286—289.
- ⁴ *Богданов В. В.* Рецензия на книгу А. Макаренко. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении // Этнографическое обозрение. 1914. № 1—2. С. 213—216.
- ⁵ Дневник Всероссийской конференции. 1921. № 2. С. 24.
- ⁶ Там же. С. 24.
- ⁷ Там же. № 4. С. 56.
- ⁸ Великорусские песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. СПб., 1907 (примечание составителей).
- ⁹ *Короленко В. Г.* Пугачевская легенда на Урале // Голос минувшего. М., 1922. № 2.
- ¹⁰ См. Систематический обзор научной литературы Германии за 1914—1921. Берлин, 1922. Т. I. С. 190. В отделе Volkskunde, между прочим, указаны: Mausser Deutsche Soldatensprache. Strassburg, 1917; Bergmann. Wie der Feldgraue Spricht. Scherz und Ernst in der Neuesten Soldatensprache. Giessen, 1916; Die Deutsche Soldatensprache der Gegenwart und ihr Humor. Dortmund, 1917 и др.
- ¹¹ *Киселев И.* Революция и язык // Вестник жизни. Пб., 1919. № 6—7. С. 33—43.
- ¹² *Баранников А.* Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы // Ученые записки Самарского университета. 1919. Вып. 2.
- ¹³ *Горнфельд А. Г.* Новые словечки и старые слова. Пг., 1922.
- ¹⁴ *Карцевский С. И.* Язык, война и революция // Современные записки. Париж, 1922. Т. X, а также Берлин, 1923.
- ¹⁵ *Черных П. Я.* О новых словах // Этнографический бюллетень Восточно-Сибирского отдела РГО. Иркутск, 1923. № 3.
- ¹⁶ Тулунского (бывшего Нижнеудинского) уезда. Все приводимые в этой статье примеры, не оговоренные особо, записаны в разных местах названного уезда.
- ¹⁷ Буланят — начинают желтеть, делают булаными.
- ¹⁸ *Писарев В. Е.* Тулунское опытное поле. Организационный отчет и отчет за 1908—1915 гг. Иркутск, 1916. Вып. I. С. 286.
- ¹⁹ *Каринский Н.* Заметка о собирании особенностей языка, проникших в деревню в революционное время // Известия Вятского научно-исследовательского института краеведения. 1922. № 1. С. 45—46.
- ²⁰ *Ончуков Н. Е.* Смерть Александра II // Живая старина. 1916. Вып. IV. С. 327—328.
- ²¹ *Якуб А.* Современные народные песенники // Известия Отделения русского языка и словесности АН. 1914. Т. XIX. Кн. I.
- ²² В Систематическом обзоре указаны, например: Wehrhan Gloria Victoria. Volkspoese an Militärzügen. Leipzig, 1915; Klabund. Das Deutsche Soldatenlied, wie es Heute Gesungen Wird. München, 1916; Meier. Das Deutsche Soldatenlied im Felde. Strassburg, 1916 и др.
- ²³ *Семеновский Д.* Современные частушки // Красная новь. М., 1921. № 1. Не все из напечатанных здесь частушек являются продуктом «народного» творчества, заметна в них и подделка под частушку.
- ²⁴ Появляется даже особая «Программа для этнографического исследования народной жизни в связи с голодом и холерой» *Дикарева М. А.* Кубанский сборник. Екатеринодар, 1894. Т. III.
- ²⁵ Нижегородский листок. 1912. № 55.
- ²⁶ Раннее утро. 1912. № 54.
- ²⁷ Астраханский листок. 1911. № 10; Кама. 1913; Приамурье. Хабаровск, 1913. № 1928.
- ²⁸ Привожу со слов М. С. Вороновой, записавшей легенду в Тулуне.
- ²⁹ *Ключевский В. И.* Курс русской истории. 1909. Т. IV. Лекция 69.
- ³⁰ Записано в с. Коркине Енисейской губернии, от Сергея Федоровича Горева. См. Тоска по сильным // Отклики Сибири. Красноярск, 1914. № 160.
- ³¹ *Зеленин Д. К.* Новая народная сказка о Крамоле // Исторический вестник. Пб., 1908. № 1. С. 209—213.
- ³² Например, *Швецов С.* Молочные бунты в Сибири и их причины // Русское богатство. СПб., 1902. № 3. Отд. II. С. 96—118.
- ³³ *Фаусек Ю.* Дети // Россия. М.; Л., 1922. № 1. С. 18—19.
- ³⁴ См.: *Могиланский М.* Устойчивость психического быта // Литературные записки. 1922. № 1; *Титов Е. И.* Этнография в трудовой школе // Вестник просвещения. Чита, 1922. Кн. I.
- ³⁵ Кроме нескольких статей, отмеченных в тексте, можно назвать ст. *Тан.* Чрево Москвы // Россия. 1923. С. 16—17, а также *Федорченко С.* Народ на войне. М., 1923; *Жаров А.* Красная тальянка. Избранные деревенские частушки. М., 1923.
- ³⁶ Дневник Всероссийской конференции. 1921. № 4. С. 56.

Ethnography and the Present

The article by G. S. Vinogradov (1887—1945), an outstanding Russian scholar, a specialist in ethnology, folklore, dialectology is reprinted from the journal «Sibirskaya Zhivaya Starina» (1923, issue 11). Outlooks of such well-known scientists as V. I. Mamansky, Ye. A. Anichkov, V. V. Bogdanov, A. Barannikov, A. G. Gorenfeld and others on some actual problems of ethnology and folklore are given.